

ЧТЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ

Вопрос об эстетических отношениях искусства и действительности изучается в истории русской литературы давно, тщательно и с немалым успехом. Напомним, что именно так называлась известная диссертация Чернышевского, в которой «перед искусством ставится задача «отражения жизни» и рассматривается вопрос о том, где чаще встречается «истинная» красота — в природе или в произведениях искусства?». На первый план выдвигается жизненный опыт писателя как основа литературного произведения.

Но жизненный опыт, как ни грустно это сознавать, ограничен пределами жизни. К нему присоединяется другой, могущественный, но ограниченный временем опыт. Для литератора это опыт книжный, опыт всего прочитанного, опыт бесчисленных страниц чужих и своих книг, начиная с азбуки и кончая последним номером журнала.

Нельзя представить книжный опыт независимо от реальной жизни, как самостоятельную движущую силу творческого процесса. Но можно, воспользовавшись рабочей гипотезой, определить его, как круг чтения, которое постепенно превращается в профессиональное чтение и таким образом становится оружием художественного познания. Никому еще не удалось начать литературу с нуля, хотя были случаи, не особенно редкие, когда эта соблазнительная возможность кружила головы некоторым писателям, почти не сомневающимся в том, что литература не существовала до той поры, пока они не взяли за перо, положив, таким образом, начало этому хлопотливому делу...

В борьбе против книжности, которая в течение многих лет идет в нашей литературе, я неизменно был на стороне тех, кто подвергался неза заслуженным, с моей точки зрения, упрекам.

Это естественно. Я принадлежу к писателям, для которых мир книжного сознания был необходимостью жизненной, а стало быть, и профессиональной.

Упреки я слышал не только от критиков, но и от близких друзей, с которыми начал и прошел почти весь свой литературный путь. В общих чертах они сводились к тому, что, окружив себя бесчисленным количеством книг, я почти не выглядываю из этого искусственного круга. Друзья были правы. Еще студентом я усердно трудился над собиранием библиотеки и с головой был погружен в чтение русской, западноевропейской и восточной литературы. Однако, ни сетования, ни советы ничего не изменили в этом образе жизни. Более того, я сознательно защищал роль книжного опыта в литературной работе. Даже когда однажды Горький осторожно посоветовал мне «перенести внимание из области стран неведомых в русский, современный, достаточно фантастический быт», я ответил ему: «Быт — это как раз та соломинка, на которой держится современная литература. — Пильняк, Никитин. Иванов — и которая своими корнями исходит от — будем говорить правду — отживших литературных форм — Ремизова и Белого. Эта соломинка рух-

Имя советского писателя В. А. Каверина, автора романа «Два капитана», трилогии «Открытая книга», повестей «Семь пар нечистых», «Косой дождь» и других произведений, широко известно у нас в стране и за рубежом.

Вениамин Александрович — страстный любитель книги. Он активно участвует в работе клуба книголюбов при Центральном Доме литераторов.

Сегодня по просьбе наших читателей В. Каверин своими автобиографическими заметками начинает разговор о роли книги в творческом труде писателя. Редакция надеется, что этот разговор будет продолжен другими литераторами.

нет и очень скоро, потому что со всех сторон уже встают писатели, которые принесут с собой то, что важнее материала, — новые литературные формы... Мне кажется, что в литературу легко входит только быт отстоявшийся, а не разметенный в куски, как быт современный. Ведь самая лучшая в русской литературе бытовая вещь «Война и мир» написана по документам...» (1923).¹

Любопытно, что этот спор возник в связи с рассказом «Шиты («свеочи»), в котором я намеренно попытался столкнуть фантастический мир с реальным.

Горький был прав, утверждая, что содержание этого рассказа «неясно, запутанно». Немудрено, что от него ускользнула и полемическая сторона его, выраженная столь же приблизительно и по-детски неясно.

Разумеется, мне тогда не приходило в голову, что часы, которые я провел в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, в моей маленькой, заваленной книгами, комнате на Петроградской стороне, вся моя книжная жизнь со временем будет «открыта» мною, как жизненный, а не книжный опыт. Однако и этого «самооткрытия», определившего мой путь

в реалистической прозе, не произошло бы, если бы постепенно, с годами не выработалось то, что можно назвать «искусством чтения».

Что же представляет собою это искусство?

«Есть литература литературы — когда предмет литературы есть не сама жизнь, а литература жизни — и литература литературы — 999/1000 всего пишущегося... Есть поэзия поэзии и в музыке, и в живописи, и ваянии, — когда предмет поэзии есть не жизнь, а прежная поэзия — 999/1000 всего творящегося», — записал в своем дневнике Л. Н. Толстой 26 ноября 1871 года. Одна оставшаяся тысячная доля — то, что годами отбирается и объединяется в сознании писателя. Это сопутствующее всей его жизни явление резонанса, без которого серьезно работать почти невозможно. Войдите в комнату, где стоит рояль с откинутой крышкой, и громко хлопните в ладоши. Отзовется та струнка, частота колебаний которой совпадает с колебаниями, возникшими в результате вашего движения. Так отзываются в опыте чтения те струны, которые совпадают с кругом ваших намерений и литературных интересов. Так начинается и развивается профессиональный отбор, непрерывно обновляющееся явление самопроверки, самопознания, сравнения суда, который книжный опыт производит над реальностью. Так начинается всматривание, поиски своего в чужом, воспитание вкуса. Чтение для писателя есть умственное писание, в котором вообразимые вымарки и перестановки играют такую роль, как в его собственной работе. Беспощадные приговоры, которые выносил гениальный произведений Л. Толстой, не смягчались, когда он смотрел со стороны на свои, отнюдь не казавшиеся ему гениальными произведения. Вот что написал он об «Анне Карениной»: «Я никак не ждал и, право, удивляюсь тому, что такое обыкновенное и ничтожное нравится, и еще больше потому, что если такое ничтожное нравится, я не начинаю писать сплеча, что попало, а делаю какой-то самому мне почти непонятный выбор». Этот «почти непонятный» выбор происходит не только в писании, но и в чтении. «Читал я в это время (работая над «Анной Карениной» — В. К.) книги, о которых никто понятия не имеет, но которыми я упивался. Это «Сборник сведений о кавказских горцах», изданный в Тифлисе». Там предания и поэзия горцев и сокровища поэтические «необычайные»... (Письмо Фету от 26 окт. 1875 г.). Так, к стилистическому, тематическому, композиционному отбору, из которого состоит работа писателя, присоединяется отбор ассоциативный, подчас соединяющий бесконечно далекие явления и касающийся всех сторон художественного произведения...

Мои заметки едва ли могут претендовать даже на постановку вопроса о профессиональном чтении писателя. Но, размышляя о нем, я все же позволил себе поделиться с читателями некоторыми своими соображениями по поводу этой, малозученной, стороны литературной жизни.

¹ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Стр. 178—180.

Знаменное событие "Взвешивание 1947"